

нение. Однако же завтра *приятное спокойство* наше прервано будет выездом к знатной барыне». <sup>61</sup>

С другой стороны, почти во всех повестях подчеркивается, какую важную культурную роль играют «легкие произведения веселости и остроумия» («Осень»), переводные песенки (там же) и даже «шутки, острые слова, тонкие ответы, сказочки, были и небылицы», украшающие беседу «благовоспитанных» и просвещенных людей («Общество Феоны»). На самом деле, тот факт, что главным героем является не мужчина, а женщина, позволяет Муравьеву наделить этот портрет новыми чертами и тем самым ввести новые темы, чрезвычайно важные для его культурной программы: ведь щедрая помещица, добродетельная и благочестивая мать является в то же время законодательницей вкуса блестящего салона.

В таких повестях, как «После обеда», «Осень», «Алетов», «Продолжение» последней и «без заглавия», семейный круг расширяется и включает добрых соседей Феоны, остроумного Алетова, только что возвратившегося из Англии, отца и сына Тополовых, госпожу Осанову, бывшую ученицу итальянского композитора Паизиелло... В «Обществе Феоны» взгляд автора явно переходит от ее провинциального салона к обществу вообще, облагороженному влиянием женщины: «Такова прелесть обхождения ее, что она умеет соглашать вещи, самые противные. Приятною улыбкою своею сгоняет она морщины со лба советника, который, кажется, не растворяет иначе рта, как для того, чтоб произнести приговор. Благородною важностью взоров своих и поступков она приводит в состояние самого ветреного щеголя говорить полчаса дело. Воин, приказной, купец, ученый, невежа, охотник, игрок, все выходят из присутствия ея довольны сами собою и еще более в том согласны между собою, что Феона превосходит их столько качествами разума и сердца, сколько старается сравняться с каждым ласкою и снисхождением. Владеть приятностью, это ее таинство». <sup>62</sup>

Подобный идеал женщины как «нравственного компаса общества и его художественного законодателя» играл важную роль и в культурной программе Карамзина. <sup>63</sup> Для Муравьева светский салон, в центре которого должны были находиться просвещенные и рафинированные женщины, имел принципиальное значение как потенциальная колыбель той «легкой поэзии», которую он хотел насадить в России по образцу Франции уже с конца 1770-х гг. <sup>64</sup> Желание увидеть и в своем отечестве общество, в котором возможно было «стихотворцем быть и светским человеком /И удержать в согласье некоем /Со философией рассеяния вкус», <sup>65</sup> т. е. вкусы которого достигли высокого интеллектуального и эстетического уровня, звучит в программном стихотворении «Послание о легком стихотворении»

<sup>61</sup> Там же, ф. 282, ед. хр. 287, л. 137 об.

<sup>62</sup> ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 40—40 об.

<sup>63</sup> Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 271.

<sup>64</sup> См.: Зорин А. Л. «Вслед шествуя Анакреону...» // Цветник: Русская легкая поэзия XVIII—XIX веков. М., 1987. С. 7—15.

<sup>65</sup> Муравьев М. Н. Стихотворения. М., 1967. С. 219.